

РОДСТВО ПО ЖЕНСКОЙ ЛИНИИ В НАСЛЕДОВАНИИ ВЛАДЕНИЙ МОСКОВСКИМИ РЮРИКОВИЧАМИ В XIV ВЕКЕ

© 2021

Абуков С.Н.

Донецкий национальный университет (г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния фактора наследования владений московскими князьями по женской линии в XIV в., что не было характерным для Рюриковичей. В истории наследования владений на Руси существуют определенные сложности, так как источники мало внимания обращали на такие факты. Проблема не получила достаточного освещения в исторической литературе. Автор исследует различные формы такого наследования, которые имели место в рассматриваемый период в Московском княжестве, начиная с духовной грамоты Ивана Калиты. В одних случаях речь шла о передаче под власть князей московской династии небольших владений, в других – целых княжеств, имевших свою самостоятельную историю в несколько поколений. Наиболее очевидным примером выступает преемственность через кровное родство, в том числе от деда по матери к внуку. Кроме этого, бездетные вдовы-княгини также завещали свои земли племянникам. История Московской династии имеет и беспрецедентный пример передачи князем своей вдове наследственного княжества, который она вынуждена была передать деверю. Стойкая тенденция на протяжении длительного времени придает таким фактам определенное историческое значение.

Ключевые слова: Русь; Москва; Рюриковичи; Иван Калита; Семен Гордый; Иван Красный; Дмитрий Донской; владение; княжество; князь; происхождение; наследование; жена; тетка; вдова; завешание; брак; родство.

THE KINSHIP THROUGH THE FEMALE LINE IN THE INHERITANCE OF THE POSSESSIONS OF THE MOSCOW RURIKIDS IN THE 14TH CENTURY

© 2021

Abukov S.N.

Donetsk National University (Donetsk, Donetsk People's Republic)

Abstract. The paper studies the influence of the factor of possessions inheritance by Moscow knyazes in the female line in the 14th century, which was not typical for the Rurikids. There are certain difficulties in the history of possessions inheritance in Rus', since sources paid little attention to such facts. The problem has not received sufficient attention in the historical literature. The author explores various forms of such inheritance that took place during the period under review in the Moscow Principality starting from the will of Ivan Kalita. In some cases, it was about small possessions transfer under the power of the Moscow dynasty princes, in others – entire principalities that had their own independent history of several generations. The most obvious example is the succession through consanguinity including from maternal grandfather to grandson. In addition, childless widowed princesses also bequeathed their lands to their nephews. The history of the Moscow dynasty also has an unprecedented example of the transfer of a hereditary principality by a knyaz to his widow, which she was forced to transfer to her brother-in-law. A persistent trend for a long time gives such facts a certain historical significance.

Keywords: Rus'; Moscow; Rurikids; Ivan Kalita; Semyon Gordy; Ivan Krasny; Dmitry Donskoy; possession; principality; knyaz; origin; inheritance; wife; aunt; widow; will; marriage; kinship.

История московской династии Рюриковичей неотъемлемо связана с расширением территории Московского княжества и его превращением в центр объединения русских земель, в Русское централизованное государство. На этом пути московские князья использовали широкий инструментарий: от вооруженных сил и грубых захватов до серебра и «куплей». Одним из таких приемов в борьбе за лидерство в Северо-Восточной Руси в XIV в. была брачная политика, сыгравшая свою роль в процессе возвышения Москвы. К сожалению, «белые пятна» генеалогии правящей династии в начальный период не дают полной картины, но некоторые аспекты деятельности в этом направлении можно отметить, а именно влияние фактора родства по женской линии в наследовании владений московскими Рюриковичами на фоне андроцентричности в целом и крайне редком упоминании княгинь и княжон в истории этого периода, что несколько искажает их роль как наследниц и носительниц права на власть и собственность. Проблема

представляет большой интерес в изучении. Тем более что наши средневековые источники ничего не говорят нам о значении такого родства. Попробуем суммировать имеющиеся факты, что должно позволить прийти к некоторым выводам.

Интерес к вопросу можно отметить в ряде работ, касающихся конкретных примеров наследования московскими князьями земель своих родичей. Их анализ показывает, что в центре внимания исследователей были конкретные примеры, будь то завешание тетки Семена Гордого княгини Анны [1–3], судьбы Коломенско-Можайского удела его вдовы княгини Марии Тверской [4–6]; пожалования Владимиру Андреевичу Галича и Дмитрова [7], завешания княгиней Федосьей белозерских владений Дмитрию Донскому [8–10]. Как можно отметить, огромную роль в исследовании каждой из проблем принадлежит В.А. Кучкину. Однако, учитывая неполноту и состояние источниковой базы и неоднозначность их интерпретации, остается достаточно места для продолжения исследований.

Как отмечалось, начальный период династической истории Москвы при Данииле Александровиче слабо освещен источниками, что объяснимо: в конце XIII – начале XIV вв. мало кто мог представить ее будущее величие. Однако начало столетия было отмечено резкой активизацией политики московских князей по расширению подвластной территории за счет соседей. Нельзя исключить, что во взаимоотношениях с Рязанью и Можайском, как и с Верховскими княжествами имели значение гипотетические родственные связи. Впрочем, данная проблема требует отдельного рассмотрения.

Первый интересующий нас пример можно обнаружить в одном из двух сохранившихся вариантов духовной грамоты Ивана Даниловича Калиты 1339 г. В ней великий князь владимирский и московский называет село Павловское – «бабы наше купля», которое передает своей второй жене Ульяне [11, № 1, с. 10]. Такая необычная форма указания родства, скорее, говорит о матери Калиты, чем о бабке. Не ясно, перешло ли Павловское от княгини напрямую или после смерти одного из братьев, но в любом случае Иван Данилович являлся единственным оставшимся сыном первого московского князя. К сожалению, ничего не известно о ее происхождении и даже имени, но, как видно, она была хорошо известна сыновьям. Возможно, она долгое время оставалась вдовой после смерти Даниила Александровича. Кроме того, важно подчеркнуть еще два наблюдения: княгиня издавна располагала достаточными средствами для приобретения недвижимости; традиция передачи владений в семье московских князей от одного поколения княгинь следующему также зародилась весьма рано.

Следующий пример наследования по женской линии связан уже с серединой XIV в. и отражен в дефектной договорной и духовной грамотах владимирского и московского великого князя Семена Гордого, тетка которого, княгиня Анна, завещала ему свои владения (Заячков и Гордошевичи) [11, № 2, с. 12, № 3, с. 13]. По скудости сообщений, трудно однозначно сказать, за кем была замужем княгиня и когда состоялся ее брак. Данный сюжет был подробно рассмотрен нами ранее [3]. В качестве некоторых выводов можно признать, что: 1) это тетка Семена Ивановича со стороны отца Ивана Калиты, а не жена одного из его дядей или сестра матери; 2) ее владения располагались вне первоначальных пределов Московского княжества; 3) княгиня была бездетной вдовой, так как в ином случае ей было кому завещать и без племянника; 4) сам переход осуществился незадолго до договора между сыновьями Ивана Калиты, то есть где-то во второй половине 40-х гг. XIV в.; 5) Семен Гордый дорожил этими приобретенными землями.

Возможно, что Анна была замужем за одним из рязанских князей, хотя родословная местных династий за это время страдает явными пробелами [1, с. 8, 9; 3, с. 7]. Сам брак мог быть заключен в подкрепление мирного договора 1320 г., закончившего очередную московско-рязанскую войну и наметившего период сближения двух княжеств [12, с. 338; 3, с. 8]. Княгиня могла передать владения племяннику только в случае их личной купли, которой она распорядилась по своему усмотрению. Только такие земли находились в полной собственности завещателя, ина-

че трудно представить, чтобы они ушли в московские руки. Хотя эти волости и не княжеский стол, но это важное, судя по упоминаниям в двух грамотах, дарение перешло исключительно к великому князю, оставив ни с чем его младших братьев, что и было подтверждено договором между Калитичами.

С Семеном Гордым связан и обратный беспрецедентный случай завещания в апреле 1353 г. по духовной грамоте вдове Марии Александровне Коломенско-Можайского удела, оставленного ему отцом, его собственные купли и земли тетки княгини Анны, что является уникальным случаем в семейных отношениях Рюриковичей [11, № 3, с. 13–14]. Вообще, умирающий от чумы великий князь передает все свое недвижимое и движимое имущество исключительно жене. Как ни читай духовную великого князя, несмотря на порчу текста, выходит, что он не оставил сыновей [6, с. 35–37]. Конечно, самое удивительное, что свой удел он передает именно вдове, а не братьям Ивану и Андрею. Трудно объяснить такое решение, не имеющее аналога. Любовь ли к жене, сомнение в способностях брата или иные причины заставили Гордого так поступить. Несмотря на предупреждение о божьем суде, Коломной и Можайском в нарушение духовной Семена Гордого завладел деверь Иван Красный, на что давно обратили внимание ученые [13, с. 445; 5, с. 123]. Слабая фигура этого московского князя заставляет заподозрить его хищное боярское окружение в игнорировании воли покойного. Все детали этого драматичного эпизода взаимоотношений молодой вдовы с новой властью полностью скрыты от нас. Впрочем, новый великий князь оставил невестке достаточно владений (22 волости) «до живота» [14, с. 253–254, 264, 265, 266].

Конец XIV в.: из духовной же грамоты мы узнаем еще об одном любопытном факте завещания владений московскому князю, на это раз Дмитрию Донскому, женщиной. Белозерская княгиня Федосья передала ему массив своих земель на Белоозере, но при условии пожизненного владения [11, № 12, с. 35]. Как и в случае с княгиней Анной, речь должна идти о бездетной вдове и ее личных куплях. Кто же была княгиня Федосья? Традиционно с середины прошлого века, на основании весьма испорченной родословной Монастыревых, она идентифицируется как упомянутая в духовной Ивана Калиты его дочь от второго брака, вышедшая замуж за белозерского князя Федора Романовича [8, с. 33–36; 11, № 1, с. 8].

Однако, очевидные проблемы с родословной Монастыревых, где имеются исторические, антропони- мические, хронологические и генеалогические несообразности, которые суммировал А.Л. Грязнов, в целом не опровергают такое отождествление [9, с. 25–32, 34]. Любопытно, что Дмитрий не называет княгиню теткой, как его отец Иван Красный в свое время не называл сестрой, на что обратил внимание С.М. Соловьев [13, с. 471].

В духовной грамоте отца Ивана Калиты 1339 г. княжна Федосья – ребенок под опекой матери княгини Ульяны. Ее замужество А.И. Копанев относил ко времени жизни Калиты, считая ее сына Ивана одним лицом с князем Иваном Белозерцем (он же Иван Белозерский), который вывез в 1363 г. из Орды ярлык на великое княжение суздальскому князю Дмитрию Константиновичу [8, с. 36–37; 15, стб. 74; 16, с. 2].

Грязнов в свою очередь считал, что брак был заключен в правление Ивана Красного, указав при этом годы правления его старшего брата Семена [9, с. 34]. Учитывая, что брак родителей Федосьи относится к 1332 г. [15, стб. 46–47], то время ее рождения после старшей сестры Марии (второй этого имени), которая вписана в духовной Калиты перед ней, следует отнести ко времени около сер. 30-х гг. XIV в. Тогда ее замужество имело место в конце правления Семёна Гордого. В связи с этим трудно считать, что упомянутая рядом с матерью без имени в завещании Ивана Красного 1359 г. единокровная сестра великого князя – это Федосья [14, с. 272]. Княгиня (к тому времени ей было 20–25 лет) уже вышла замуж за белозерского князя и никак не могла жить с матерью. Замужних дочерей великие князья Иван Калита и его преемники не жаловали в своих духовных, так как теперь о них должны были заботиться их мужья. Более того, после смерти матери княжна должна будет получить указанные в духовной земли [11, № 4, с. 16]. Почему старшая Мария, явно достигшая и даже перешедшая время для брака, осталась с матерью, но и в будущем должна продолжить жить в части ее владений, а замуж вышла младшая, сказать сегодня трудно. Похоже, ответ лежит в иной плоскости.

Очевидно, что княгиня Федосья Московская, потерявшая мужа и сына на Куликовом поле, была бездетной, передавая свои обширные земли Дмитрию Донскому. Поэтому трудно считать князя-наемника кон. XIV в. Константина Ивановича Белозерского, враждебно настроенного к Москве (Никоновская летопись именует его «Васильевичем»), внуком княгини [16, с. 154; 17, с. 100]. Он мог быть другим представителем не полного в источниках рода белозерских князей, например, того же Ивана Белозерского 1363 г.

В середине 70-х гг. XIV в. великий князь московский Дмитрий Донской пожаловал своего двоюродного брата удельного серпуховского князя Владимира Андреевича Галичем (Мерским) и Дмитровом [11, № 7, с. 23]. Это были крупные владения. Но почему выбор пал именно на два этих города, бывших когда-то центрами единого Галицко-Дмитровского княжества младшего брата Александра Невского Константина Ярославича? Завесу приоткрывает Рогожский летописец, где сообщается о браке в 1345 г. отца Владимира Андрея Ивановича с Марией, дочерью князя Ивана Федоровича [15, стб. 56]. Кто же этот князь?

В.А. Кучкин не сомневался, что речь идет о галицком князе, одном лице с псковским наместником начала XIV в. князем Иваном Федоровичем [18, с. 244]. С первым выводом трудно не согласиться: других, именно подходящих, князей с таким именем-отчеством в Северо-Восточной Руси не найти. Также ученый, посвятивший проблеме отдельную статью, считал, что летописное известие 1310 г. о рождении у галицкого князя Василия Константиновича сына Федора на самом деле относится к одноименному ростовскому князю [10, с. 367–368]. Сообщение о рождении сына Федора у галицкого князя содержит Московский летописный свод под тем же 6818 г.: «Родися князю Василью Костянтиновичу, внуку Ярославлю, Галицкому, сынъ Федоръ» [19, с. 159], а также читается и в Воскресенской летописи [20, с. 185]. Свою традиционную путаницу внесла Никоновская летопись, соединив Галич с родословной ростовских

князей: «Того же лета родися князю Василью Костянтиновичу Галицкому, внуку Борисову, правнуку Василкову, сынъ Федоръ» [16, с. 178]. Нельзя полностью исключить вероятность не случайности указания на галицкого князя в известии 1310 г., а не считать его поздней летописной вставкой, но, помимо приведенных ученых аргументов, представляется довольно странным, что у галицкого князя в возрасте минимум 55 лет вдруг родился сын.

Однако важно другое. Иван Федорович – галицкий отчич, то есть, речь идет о наследовании московскими князьями Галича и Дмитрова по женской линии. Таким образом, по матери Владимир Андреевич был потомком местных князей и такое пожалование за верную службу выглядело вполне естественным, если не считать изгнания из отчины великим князем московским галицкого князя Дмитрия, то ли Ивановича, то ли Борисовича (его отчество до сих пор вызывает дискуссию) в 1363 г. [21, с. 211–214, прим.]. Княгиня Мария была жива на момент пожалования сына князя Владимира (умерла в 1389 г.) [15, стб. 157]. Положение потомков устранившейся прежней династии оказалась незавидным [22, с. 418–421]. Возможно, передача владений наследнику по женской линии стало некоей легитимацией новой московской власти. Правда, в 1388 г. Дмитрий Донской отобрал у двоюродного брата оба города назад для наделения собственных сыновей, чем вызвал серьезных конфликт с двоюродным братом [15, стб. 155; 7, с. 236–237]. Острота размолвки между братьями могла быть вызвана не только по причине отобрания таких крупных владений, но и семейной привязанностью Владимира Андреевича к Галичу и Дмитрову, с одной стороны, и в той же мере нежеланием великого князя оставлять под его властью эти княжества – с другой. Известно, как в дальнейшем московские государи меняли удельным князьям их княжества, чтобы подданные не успевали привязаться к своим правителям.

В 1392 г. великий князь московский Василий Дмитриевич в Орде купил у хана Тохтамыша ярлык на Суздальско-Нижегородское княжество [23, с. 159]. Безусловно, главную роль в реализации ханом этой сделки были финансы и затруднительное положение ордынского царя из-за войны с Тимуром, но нельзя забывать и тот факт, что Василий I Московский по матери приходился внуком великому князю нижегородскому Дмитрию Константиновичу. Источники прямо не дают ответа на вопрос, насколько данный переход региона Поволжья к Москве опирался на родство Василия Дмитриевича с прежней династией при достаточном числе местных князей, но думается, что, как и в случае с Владимиром Андреевичем и Галичем, данный аргумент имел место, а для суздальско-нижегородской элиты и народа московский князь мог восприниматься как легитимный наследник. История с боярином Василием Румянцем [15, стб. 162–163] как будто говорит о легком переходе местной элиты под московскую власть. Действительно, в том месте договора нач. XV в. Василия Дмитриевича с двоюродным дядей Владимиром Андреевичем, где говорится о правах на эти владения, великий князь нижегородский Дмитрий Константинович назван дедом Василия I [11, № 16, с. 44]. Правда, Москве не удалось в полной мере укрепиться в Поволжье, и борьба за эти земли растянулась более чем на полве-

ка, включая попытки московских князей привязать к себе местных династов довольно необычными матримонимальным союзом с дочерью Василия I [24, с. 156–159, 166–170].

Не подлежит сомнению, что на Руси главным было наследование по мужской линии. По этой формуле многочисленные князья Рюриковичи выступали полноправными наследниками выморочных владений умерших родичей. Московские князья XIV в. не были исключением из этих правил. Несмотря на отсутствие прямого указания в источниках, мы действительно видим несколько ярких примеров наследования владений московскими Даниловичами по женской линии. Первый пример содержится уже в духовной грамоте Ивана Калиты. В дальнейшем московские князья становились собственниками по завещаниям своих теток – вдовых княгинь, как Семен Гордый или Дмитрий Донской. В другом случае пожалование Дмитрием Донским своего двоюродного брата коснулось именно княжества семьи его матери – галицко-дмитровских князей. О высоком наследственном праве женщин может свидетельствовать завещание своего наследственного удела своей вдове Семеном Гордым, которая вынуждена была отдать его деверю Ивану Красному.

Список литературы:

1. Кучкин В.А. Княгиня Анна – тетка Симеона Гордого // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. статей / редкол.: Н.А. Соболева (отв. ред.), А.И. Аксенов, А.П. Богданов (отв. секр.), А.И. Плигузов. М.: ИРИ РАН, 1993. С. 4–11.
2. Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты: источниковедческие проблемы процесса объединения русских земель XIV в.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. М., 2001. 339 с.
3. Абуков С.Н. К вопросу о происхождении тетки Семена Гордого княгини Анны // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2017. Т. 17, № 1. С. 5–11.
4. Кучкин В.А. «Свой дядя» завещания Симеона Гордого // История СССР. 1988. № 4. С. 149–158.
5. Пресняков А.Е. Образование Великодержавного государства. М.: Богородицкий печатник, 1998. 496 с.
6. Абуков С.Н. К вопросу о наследнике Семена Гордого в духовной грамоте великого князя // Клио. 2017. № 3 (123). С. 34–38.
7. Черепнин Л.В. Договорные и духовные грамоты Дмитрия Донского как источник для изучения полити-

ческой истории Великого княжества Московского // Исторические записки. 1947. Т. 24. С. 225–266.

8. Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 255 с.
9. Грязнов А.Л. Княгиня Федорова Федосья // Ежегодник историко-антропологических исследований. М.: Экон-Информ, 2008. С. 23–38.
10. Кучкин В.А. Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // Исторические записки. 1974. Т. 94. С. 365–384.
11. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей / подг. к печати Л.В. Черепнин; отв. ред. С.В. Бахрушин. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 585 с.
12. ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
13. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 18 кн., кн. II. М.: Мысль, 1988. 765 с.
14. Кучкин В.А. Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича Красного // Средневековая Русь. Вып. 5 / отв. ред. А.А. Горский. М.: Изд-во «Индрик», 2004. С. 191–280.
15. ПСРЛ. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.
16. ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 264 с.
17. ПСРЛ. Т. 4. Новгородские и псковские летописи. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. 380 с.
18. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 349 с.
19. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века / под ред. М.Н. Тихомирова. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. 464 с.
20. ПСРЛ. Летопись по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. 360 с.
21. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1891. 696 с.
22. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 582 с.
23. ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.
24. Горский А.А. Судьбы Суздальского и Нижегородского княжеств в конце XIV – середине XV в. // Средневековая Русь. Вып. 5 / отв. ред. А.А. Горский. М.: Изд-во «Индрик», 2004. С. 140–170.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Абуков Сергей Навильевич , кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, источниковедения, археологии и методики преподавания истории; Донецкий национальный университет (г. Донецк, Донецкая Народная Республика). E-mail: legusha@list.ru.	Abukov Sergey Navilyevich , candidate of historical sciences, associate professor of Historiography, Source Studies, Archeology and Methods of History Teaching Department; Donetsk National University (Donetsk, Donetsk People's Republic). E-mail: legusha@list.ru.

Для цитирования:

Абуков С.Н. Родство по женской линии в наследовании владений московскими Рюриковичами в XIV веке // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 3. С. 171–174. DOI: 10.17816/snv2021103206.